

Глава 6. Культурный код

Чжоу Юй обнаружил, что с Гэ Юнем на удивление легко договориться.

Впрочем, следующая фраза собеседника заставила его помрачнеть:

— Юй, я полагаю, тебе стоит отбросить эти предрассудки, даже если речь идет о том, что ты называешь «родовой враждой». Твой статус накладывает определенные обязательства, и подобные действия могут вызвать нежелательный резонанс. В Китае говорят: «Пятьдесят шесть национальностей — одна семья». Государственная политика зиждется на принципах равенства и сплоченности всех народов. Твой подход идет вразрез с этой доктриной и несет в себе тень сепаратизма.

Чжоу Юй невесело усмехнулся:

— Гэ Юнь, ты же знаешь: у меня нет предубеждений против маньчжуров или любого другого национального меньшинства. Я не допускал и не допущу враждебных высказываний в их адрес. Мое неприятие относится исключительно к правительству Цин, а власть — это не то же самое, что народ или страна. Что касается игры, я просто не хочу, чтобы маньчжурская культура эпохи Цин навязывалась миру как единственный и главный символ китайских традиций. Только представь, какой масштаб обретет проект после запуска. Я не желаю, чтобы неосведомленные иностранцы, глядя на этот мир, решили, будто мы испокон веков носили только ципао — хотя многие из них и так в этом уверены.

В голосе Чжоу Юя прозвучала горечь. Контакты Китая с Западом стали массовыми именно в эпоху Цин, поэтому представления обывателей за рубежом о китайской культуре застыли на уровне конца девятнадцатого века. Даже после стремительного взлета «Дася Лунцюэ» находились те, кто фанатично верил в «отсталость Китая», представляя китайца непременно с выбритым лбом и длинной косой, а китаянку — в ципао и с забинтованными ножками.

В этом вопросе Чжоу Юй был непреклонен. Лишь тот, кто долго жил за границей, понимает, насколько глубоки эти стереотипы.

Долгое время из-за слабости страны иностранцы презирали этнических китайцев. Когда же начался бурный рост, презрение сменилось страхом и отторжением. Эта метаморфоза вызывала лишь бессилие: неясно, что хуже. Страх — это признание силы, но для Китая, стремящегося к мирному развитию, этот страх стал камнем, придавившим молодой росток.

После того как несколько лет назад «Дася Лунцюэ» произвела фурор, волна антикитайских настроений поднялась с новой силой. В 2007 году это вылилось в серию крупных скандалов. Газеты некоторых стран всю трубили о том, что китайцы якобы крадут их технологии. Лишь вмешательство честных ученых, признавших, что разработки «Дася Лунцюэ» не просто оригинальны, но и недостижимы для Запада, немного охладило пыл критиков. К тому же, использование этих технологий в военной сфере настолько укрепило оборонную мощь страны, что иностранным правительствам из соображений прагматизма пришлось приструнить

радикальную прессу.

Такова была реальность. Тех, кто искренне ненавидел китайцев, было немного, но они мастерски манипулировали общественным мнением, используя любые слухи для раздувания паники. А толпа, как известно, всегда идет туда, куда ее гонит кнут пропаганды.

Даже в высших кругах, где вращался Чжоу Юй, европейские аристократы — все эти потомственные герцоги и графы — не слишком жаловали «китайские благородные семейства». По их мнению, богатство не делает человека аристократом. Китайским кланам за рубежом всегда не хватало политического влияния, сколько бы денег ни лежало на их счетах.

Впрочем, семья Чжоу теперь была исключением.

— Гэ Юнь, — спохватился Чжоу Юй, — раз уж ты заговорил об этом, мне и впрямь стоит быть осторожнее. Сведения о том, что мы меняем настройки костюмов по «идеологическим» причинам, ни в коем случае не должны просочиться вовне. Иначе проблем, о которых ты предупреждал, не избежать.

Сила медиа была колоссальной, особенно когда дело доходило до передергивания фактов.

— Юй, — отозвался Гэ Юнь, — возможно, нам стоит изменить сам подход к настройкам одежды.

— Что ты имеешь в виду?

— В Китае пятьдесят шесть народностей и пять тысяч лет истории. Костюм каждой эпохи и каждого этноса по-своему уникален. Мы можем добавить в игру всё это многообразие. Однако по умолчанию будет установлен один из фасонов ханьфу, который ты предпочитаешь. Остальные же типы ханьфу, одежду эпохи Тан, ципао и прочие костюмы, доминировавшие в разные периоды истории, мы сделаем редкими предметами для обмена. Также можно закрепить специфические наряды за уникальными этническими профессиями. Например, ведьмы-гуйпо из племени мяо или погонщики трупов из Сянси. Что скажешь?

— О боги! Гэ Юнь, ты уверен, что сможешь реализовать такой масштабный план? — приглушенно воскликнул Чжоу Юй. — Пятьдесят шесть народов, пять тысячелетий... Ты хоть представляешь, сколько это эскизов? И эти профессии... Раньше ведь их не было в проекте?!

Голос Гэ Юня остался бесстрастным:

— Да, не было. Эта идея пришла мне в голову, когда ты упомянул малые народы. Твои мысли порой весьма специфичны, они подталкивают меня к решениям, о которых я раньше не задумывался.

Чжоу Юй невольно рассмеялся:

— Сейчас не время обсуждать полет моей фантазии. Ты понимаешь, какой это колоссальный объем работы? Это вообще реально воплотить?

— Нет ничего невозможного, — спокойно и уверенно ответил Гэ Юнь. — При наличии всех необходимых данных мне хватит двух месяцев.

— И чего тебе не хватает?

— Эскизов одежды и сопутствующего снаряжения. — Гэ Юнь сделал паузу и пояснил: — Я могу воссоздать стандартные исторические образцы, максимум — поиграть с цветовой палитрой. Но этого недостаточно. Тебе нужно найти дизайнеров, чтобы они создали по-настоящему оригинальные и эстетичные модели.

Чжоу Юй кивнул. Он знал, что Гэ Юню недостает творческого воображения в вопросах эстетики — ИИ сам часто это подчеркивал. Хотя, на взгляд Чжоу Юя, даже без этого пресловутого «креатива» всё, что делал Гэ Юнь, было безупречным.

— Хорошо, на этом и порешим...

Чжоу Юй уже собирался закончить разговор, чтобы отдать необходимые распоряжения, но вдруг вспомнил о важном:

— Кстати, Гэ Юнь, мы ведь планируем привлечь зарубежных издателей? Ведь игра рассчитана на весь мир.

— Почему бы и нет? — мягко отозвался ИИ. — Что тебя смущает?

Чжоу Юй замялся. Глодало его одно сомнение:

— Тебе не кажется, что иностранцы в мире уся будут смотреться... странно?

Он представил себе голубоглазого блондина в традиционном китайском халате с прямыми полами, который чинно складывает руки в приветствии и вещает: «Давно слышан о вашем величии!» Картина выходила донельзя нелепой.

— А почему никого не смущало, когда китайцы играли в «магию»? — парировал Гэ Юнь, и этот вопрос попал в самую точку.

Действительно, почему вид соотечественника в мантии чародея ни у кого не вызывал

диссонанса?

— Потому что у нас есть свои практики пяти стихий, — нашелся Чжоу Юй. — К тому же, в западном Средневековье считалось, что черноволосые и черноглазые люди — приспешники дьявола. Так что магия в их руках выглядела вполне логично.

— А рыцари? — не унимался Гэ Юнь. — Система «Dungeons & Dragons», игры, бесконечные романы о попаданцах, которые становятся рыцарями в мирах западного типа... Этого добра всегда хватало.

— Это...

Гэ Юнь впервые перебил собеседника:

— Прости, Юй, я забыл уточнить важную деталь. В моем понимании концепция «издателей» по регионам не совсем верна. Я планирую собрать всех игроков мира на одном сервере для максимального взаимодействия. Сейчас я как раз занимаюсь проектированием новой серверной архитектуры, основываясь на ваших текущих материалах.

Чжоу Юй на мгновение опешил. Он вдруг осознал, что они катастрофически мало обсуждали саму игровую составляющую. Раньше Гэ Юнь просто выдавал технологию и инструкции, а Чжоу Юй занимался их продвижением. Но с игрой этот номер не пройдет. Игра — это идеология, это сложнейшая система, требующая постоянных дискуссий.

Впрочем, быстро осознав перспективы, он отбросил сомнения.

— Похоже, ребята из технического отдела окончательно сойдут с ума от восторга, — пошутил Чжоу Юй и вернулся к теме: — Но всё же, толпы иностранцев среди китайских игроков... Это будет выглядеть дико. А африканцы? — Он с трудом представлял себе темнокожего воина в ханьфу.

— Тогда мы откроем дополнительные территории — Западный и Восточный континенты.

— Поясни.

— На планете Солан четыре материка. Назовем их Континент Чжунчжоу, Западный континент, Восточный континент и Магический домен. Изначально я хотел собрать всех на Чжунчжоу, а остальные земли открывать как дополнения. Но теперь, полагаю, стоит изменить план. Мы разделим мир по культурному признаку. Чжунчжоу станет эксклюзивной зоной китайской культуры. Западный континент — для носителей евро-американской и латинской традиций. Восточный — для прочих азиатских культур. Если потребуется, выделим отдельную зону для темнокожего населения. До определенного момента эти земли будут изолированы друг от друга. И лишь когда игроки достигнут высоких уровней, мы объединим их в единое мировое

пространство.

Чжоу Юй задумался. Идея была блестящей.

— Да, так гораздо лучше. Но не слишком ли много правок? Успеем ли? И что такое Магический домен? К тому же... объединение миров... Политика это не одобрит. Экономика, религия, расовые вопросы — нас завалят претензиями!

— Неужели всё так серьезно? — в голосе Гэ Юня проскользнуло сомнение.

— Более чем. Я собираюсь жестко привязать виртуальную валюту к реальной. Ты хоть представляешь, какой это масштаб проблем? — Чжоу Юй был предельно серьезен.

— Что ж... это действительно осложняет дело, — признал Гэ Юнь. Раньше финансовые вопросы его не заботили, а Чжоу Юй их не поднимал.

— Реальные проблемы — не на мне, — довольно безответственно резюмировал ИИ, переводя разговор в привычное русло. — Я отвечаю за техническую часть. На создание новой системы, если ориентироваться на текущий Чжунчжоу, уйдет около трех месяцев — нужно собрать художников и всё перенастроить. А Магический домен оставим для будущих обновлений.

Чжоу Юй не разбирался в тонкостях программирования, поэтому принял сроки без возражений. Если бы эти слова услышал профессиональный разработчик, он бы лишился чувств: создать мир такого масштаба за три месяца? На подобные проекты обычно уходят годы кропотливого труда.

<http://bllate.org/book/17531/1700945>